

И.С. Новоженова

Французская модель интеграции иммигрантов и мультикультурализм

***Аннотация.** В статье дается сравнительный анализ французской модели интеграции иммигрантов и мультикультурных моделей, применяемых в ряде стран Западной Европы; выявляются элементы мультикультурализма в законодательстве Франции и в ее интеграционной политике.*

***Abstract.** This paper presents a comparative analysis of the French model of integration and multicultural practices in some West European countries. The author comes to find out a number of multiculturalist elements in French legislation and integration policy as well.*

***Ключевые слова:** мультикультурализм, интеграция иммигрантов, ассимиляция, коммунитаризм.*

***Keywords:** multiculturalism, integration of immigrants, assimilation, communitarianism.*

Практически во всех современных западных странах помимо господствующей культуры существуют и иные культуры, их носителями являются автохтонные малые народы и исторически недавно появившиеся группы иммигрантов европейского и неевропейского происхождения. В Европе сложились три основные интеграционные модели включения инокультурных сообществ или групп населения в национальное общество. Варианты этих моделей в разных странах имеют свои национальные особенности. Но в наиболее характерной форме они представлены в трех крупнейших государствах – Франции, Великобритании и Германии.

Видный французский социолог г-жа Доминик Шнаппер¹ исследовала особенности интеграционных моделей в Европе. Она напомнила, что в течение 1980–1990-х годов среди ученых Европы велись жаркие дебаты вокруг понятия «мультикультурализм». В спорах сталкивались мнения тех, кто настаивал на приоритете интеграции в национальное общество людей любого происхождения, и тех, кто собирался по-новому построить связи между носителями многочисленных культур и политической системой страны. Первая точка зрения была ближе французской политической мысли (модель интеграции), а вторая – германской и особенно британской (модель мультикультурализма). В реальности, считает Д. Шнаппер, варианты политики этих стран отличались не так сильно, как это представлялось в дискуссии. Ни во Франции, ни в Германии, ни в Великобритании иммигрантским сообществам не были предоставлены в законодательстве коллективные права. По мнению исследовательницы, потребность сохранения демократии, основанной на равенстве граждан, и потребность развития государства благосостояния заставляют все европейские страны проводить на практике политику интеграции, «уважая при этом идентичность каждого, но ограничивая коллективное выражение идентичностей в общественном пространстве» [Schnapper. Intégration...]. Д. Шнаппер отмечает правоту Жан-Клода Моно, который указывал, что в настоящее время правительства разных стран проводят схожую политику и что модели интеграции ныне более разнятся в дискурсах, чем в реальной политике.

Особенностью французской политики является то, что иммигрантов и граждан нефранцузского происхождения не отделяют от остального населения и рассматривают их как составную часть нации. Поэтому понятие интеграции распространяется как на иммигрантов и их потомков, так и на все общество. Д. Шнаппер об-

¹ Доминик Шнаппер – известный ученый-социолог, автор многих книг, возглавляет научные исследования в l'Ecole des hautes études en sciences sociales, преподает, ведет обширную общественную работу, неоднократно работала в правительственных структурах, была членом Конституционного совета (с 2001 по 2010 г.), наконец, она является дочерью известного французского философа Раймона Арона.

ращает внимание на то, что слово «интеграция» принадлежит одновременно и политическому, и социологическому языкам. Политика интеграции (политический язык) – это совокупность мер, применяемых для воплощения в жизнь политической воли, целью этой политики является интеграция. И есть интеграция как социальный процесс (социологический язык), который, как и любой процесс, может развиваться с разной скоростью в разных сферах жизни общества, интеграция может ослабевать, усиливаться, приобретать новые свойства. Политика интеграции и процесс интеграции касаются не только потомков мигрантов, но и всего общества в целом. Любая социальная организация (семья, предприятие, нация) нуждается в процессе интеграции, при этом не устраняется риск маргинализации.

Внутри национального общества, как считает Д.Шнаппер, благодаря политике постоянно происходит процесс интеграции. Интеграция же отдельных групп людей, включая иммигрантов, в уже существующее общество является лишь «одним из измерений» интеграции самого общества. «Нельзя отделять интеграцию индивидов (мигрантов или не мигрантов) в общество от интеграции самого общества во всей его совокупности, – подчеркивает Д. Шнаппер. – То, что воспринимается как “проблема иммиграции” – это прежде всего проблема самого национального общества, его способности интегрировать все группы населения, включая мигрантов и их потомков...» [Schnapper. *Intégration...*]. Политика интеграции, по мнению Д. Шнаппер, будет успешной только тогда, когда французское общество будет способно реформировать себя, утверждая одновременно свои собственные ценности.

Французская модель интеграции иммигрантов

Франция стала иммиграционной страной с середины XIX в. До конца 1960-х годов XX в. она успешно ассимилировала иммигрантов. Однако с окончанием периода высокого экономического роста, наблюдавшегося в послевоенные годы, и особенно после нефтяного кризиса начала 1970-х годов (1973–1974) процесс ассимиляции практически прекратился. Это объясняется тем, что перестали работать главные инструменты ассимиляции: включенность в трудовые отношения и в рабочие коллективы на производстве

(глобализация и кризисы привели к сокращению рынка труда и росту безработицы, особенно среди иммигрантов); остановился механизм «социального лифта» и даже высшее образование больше не гарантировало повышения социального статуса. В результате произошла маргинализация значительной части иммигрантского населения, консервирование бедности в этой среде, а в психологическом состоянии иммигрантов появилось обостренное восприятие фактов дискриминации и несправедливого к себе отношения.

В 1980-е годы Франция была вынуждена перейти от ассимиляционной политики к интеграционной. Если ассимиляционная политика ведет к поглощению культур меньшинств доминирующей французской культурой, то интеграционная политика предполагает мирное сосуществование и взаимообмен всех культур. Комиссия по терминологии и неологизмам в области общественных знаний при секретариате премьер-министра¹ так поясняет эту политику: «Отношение Франции... к культурам иммигрантов, поселившихся на ее земле, характеризуется не насильственной ассимиляцией, а медленной метисацией, добровольной, поддерживаемой и с той и с другой стороны ради непрерывного строительства нации и республиканского общества» [Mots de l'immigration...]. Процесс такой интеграции рассчитан на долгий срок, главный путь интеграции – превращение иммигрантов в граждан за счет предоставления гражданства и привлечения к участию в общественно-политической жизни. Как граждане они наделяются равными со всеми правами и обязанностями. Таким образом, политика интеграции уже не требует от иммигрантов культурной ассимиляции, но они должны выполнять обязательное условие – разделять общие для всех французов ценности (свобода личности, светский характер общественной жизни, солидарность, равноправие женщин в обществе и семье и др.) и выполнять свои гражданские обязанности. Именно эта главная особенность французской модели интеграции – ее нацеленность на вовлечение иммигрантов прежде всего в политическую жизнь страны – и придает ей гражданско-политический характер.

¹ Комиссия дает официальную трактовку понятий, отражающих новые явления в общественно-политической жизни французского общества.

Франция в течение столетий складывалась как единое, унитарное, централизованное государство, подавлявшее любые тенденции к федерализму, автономии или местничеству со стороны своих национальных меньшинств. Тем более оно не допускало создания на своей территории чуждых по культуре этно-религиозных иммигрантских сообществ. Борьба с коммунитаризмом всегда была частью иммиграционной политики, особенно начиная со второй половины XX в., когда в страну въехали миллионы иммигрантов-мусульман. В период экономического процветания эта борьба была вполне успешной, но в настоящее время у государства не хватает на это средств и возможностей. Беднейшие слои иммигрантов и их потомков, страдающие от безработицы и десоциализации, проживают в разрушающихся домах в кварталах, которые покидают коренные французы. В результате происходит стихийная геттоизация и этнизация этих кварталов, в которых зачастую господствует власть сильнейшего в виде криминальных банд. Усиливаются процессы замыкания иммигрантов в своих этнокультурных сообществах. Среди выходцев из мусульманских стран, особенно среди молодежи, растет потребность в самоидентификации и в понимании своей идентичности, которую многие ищут в исламе, а некоторые находят в исламистских фундаменталистских организациях.

Государство принимает меры, чтобы воспрепятствовать развитию французского общества по пути стихийного коммунитаризма и мультикультурализма. В своей интеграционной политике в отношении иммигрантов оно придерживается принципа приоритета личности над коллективом. Этот принцип предполагает, что никакое малое сообщество, объединяющее людей одной идентичности, религии или культуры, не может навязывать свою волю индивиду. Объектом интеграции выступает исключительно индивид, но не сообщество и не коллектив. В процессе интеграции участвуют две стороны: индивид-иммигрант и государство, посредничество иммигрантских сообществ исключается. «Французская модель интеграции иностранцев во французскую нацию строится на индивидуальной основе и применяется в равной мере ко всем иностранцам, независимо от их религиозной, культурной и этнической принадлежности» [Mots de l'immigration...], – подчеркивает Комиссия по терминологии и неологизмам.

Однако в современном мире власть на национальном уровне уже не обладает прежними возможностями для создания эффективных инструментов интеграции иммигрантов: экономика Франции и ее рынок труда развиваются по законам глобальной экономики, многочисленные предприятия, обеспечивавшие занятость, выведены в страны с дешевой рабочей силой, сокращается система социального обеспечения, падает уровень образования, снижается роль школы в качестве одного из основных инструментов социализации подрастающих поколений. Власть не может решить проблемы беднейших, превращающихся в гетто кварталов. Все это создает предпосылки для дальнейшего стихийного складывания во Франции не свойственной ее обществу мозаичной многокультурной структуры.

Модели мультикультурализма в Великобритании и Германии

Во Франции слово «мультикультурализм» имеет два значения. Во-первых, политика, проводимая некоторыми государствами, имеющая целью сохранить и поддержать культуры, привезенные группами иммигрантов из стран их происхождения; для этого поощряется создание ими этнокультурных сообществ, с которыми правительства официально ведут переговоры, а власти всех уровней консультируются при принятии решений; считается, что сообщества являются проводником государства в проведении политики интеграции иммигрантов. Во-вторых, общество принимающей страны, организованное по принципам мультикультурализма; в этих странах исторически новые культуры консервируются внутри иммигрантских сообществ, в которых сохраняются религия, ценности, нормы и образ жизни их прежней родины; инокультурные сообщества добровольно отгораживаются от общества и культуры страны проживания и препятствуют интеграции своих «братьев по культуре». Такие общества имеют как бы мозаичную структуру. Они могут складываться по-разному – в результате целенаправленной политики мультикультурализма или стихийно.

В Великобритании и Германии в настоящее время общество уже приобрело некоторую устойчивую культурную мозаичность из-за укоренения на их территории иммигрантских культурно-

религиозных сообществ, главным образом мусульманских. Разница между этими странами заключается в том, что в Великобритании политика мультикультурализма проводилась вполне целенаправленно, а Германия пришла к тому же результату стихийно из-за отсутствия действенной политики интеграции мусульманского населения в немецкое общество.

В Великобритании политика мультикультурализма имела целью сохранить и поддержать культуры, привезенные иммигрантами из стран их происхождения. Для этого поощрялось создание ими этнокультурных сообществ. В соответствии с идеологией мультикультурализма этнокультурные сообщества должны были стать посредниками и помощниками государства в проведении политики интеграции иммигрантов.

Однако опыт показывает, что в результате такой политики образуются замкнутые этнокультурные или культурно-религиозные сообщества, в которых иммигранты действительно сохраняют культуру и религию предков, поддерживают тесные связи с бывшей родиной, а бывает, и придерживаются образа жизни, противоречащего законодательству страны пребывания. Группы иммигрантов одной культуры часто образуют анклавные или этнические кварталы (китайский, турецкий, пакистанский и т.д.). Эти сообщества имеют тенденцию самоизолироваться, что замедляет, а то и прекращает процессы культурного сближения и добровольной культурной ассимиляции иммигрантов и их потомков.

В Германии не проводилась государственная политика мультикультурализма, т.е. политика поощрения многокультурности. Потоки иммигрантов, которых страна принимала начиная с послевоенного времени, в целом успешно интегрировались в германское общество, за исключением турок. Особенностью интеграционной модели этой страны является то, что в отношении разных групп иммигрантов проводится дифференцированная политика – немцы по крови и их потомки, даже те, которые столетиями проживали вне Германии и были далеки от немецкой культуры, почти сразу получают гражданство, а турки, которые не одно десятилетие жили и работали в Германии, остаются в своем большинстве иностранцами. Турецких иммигрантов долгое время воспринимали как временную рабочую силу, которую нет нужды интегрировать, поскольку ожидалось, что они вернутся на родину. В течение не-

скольких десятилетий власти страны не предпринимали мер, направленных на интеграцию миллионов турецких иммигрантов, их детей и внуков, родившихся и выросших в Германии. Вследствие такой политики, вернее отсутствия политики включения турок в немецкое общество, турецкое население со временем самоорганизовалось в общины и отделилось от остального населения. Как правило, иммигранты, прибывающие в чужую страну, стремятся поселиться рядом со своими соотечественниками, поскольку взаимопомощь помогает им пережить трудные времена. Сообщества по этническому, религиозному или культурному признаку создаются стихийно, а для того, чтобы они не превратились в замкнутые анклавов со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, требуется целенаправленная государственная политика по их интеграции. Отсутствие в Германии такой политики в отношении турецкого населения на деле вылилось в желание отгородиться от людей другой культуры как со стороны турок, так и со стороны коренных немцев. Власти отнюдь не стремились проводить сепаратистскую или мультикультурную политику, но их бездействие привело именно к такому результату – к обществу коммунитаризма и сепаратизма, в котором турецкие иммигранты и их потомки живут в своей культурной среде и обособлены от немецкой культуры.

Сторонники французской модели интеграции о мультикультурализме

Французские исследователи, сравнивая эффективность моделей интеграции европейских стран, высказывают разные точки зрения. Например, известный французский социолог г-жа Доминик Шнаппер считает, что совершенных моделей нет, а те, что есть, – все находятся в кризисе. По ее словам, в Великобритании и Германии иммигранты лучше интегрированы в экономику. Во Франции же лучше, чем в других странах, происходит культурная интеграция, т.е. дети и внуки иммигрантов в наибольшей степени отделились от культуры предков, почти полностью перешли на французский язык и переняли французскую культуру. Но у них гораздо хуже обстоит дело с экономической и социальной интеграцией.

Во Франции, отмечает Д. Шнаппер, несмотря на довольно высокий уровень образования, дети и внуки иммигрантов больше страдают от безработицы и больше подвергаются дискриминации при найме на работу. Особенно проблематична их социальная интеграция, которая выражается в участии в различных структурах коллективной жизни и в социальных связях. Это происходит оттого, что во Франции молодые люди с нефранцузскими корнями де-социализированы: с одной стороны, большинство из них испытало влияние секуляризации и не участвует в жизни своей конфессии, с другой – на них не распространяется коммунитарная солидарность, которая поддерживает иммигрантскую молодежь в странах мультикультурализма. Например, турки в Германии или пакистанцы в Великобритании сплочаются вокруг своей мечети, их коллективная жизнь организована в религиозно-культурных сообществах, к лидерам которых прислушивается местная власть. По мнению Д. Шнаппер, «коммунитарные связи, в большей или меньшей степени поощряемые принимающим обществом в Великобритании и Германии, по крайней мере на какой-то срок, дают большую защиту, чем политика индивидуальной интеграции через школу и работу, что свойственно французской традиции» [Schnapper, 2006].

По мере того как снижается эффективность французской модели интеграции (главным образом в экономической и социальной сферах), в стране усиливается интерес к мультикультурным моделям интеграции, в частности к британской. В научном сообществе и в политических кругах Франции не прекращается дискуссия между сторонниками и противниками заимствования элементов мультикультурализма.

В дискуссии о моделях интеграции наиболее прочные позиции во французском научном сообществе, как и среди правящего класса, по-прежнему имеют сторонники сохранения и постепенной модернизации существующей французской модели. Они приводят свои доводы. Наиболее взвешенно и ясно эту позицию выражает Д. Шнаппер. Она замечает, что любая политика не обходится без ошибок, и Франция – не исключение, ее иммиграционная политика, безусловно, нуждается в совершенствовании. Однако все общества имеют «собственную традицию, и нельзя, – утверждает Д. Шнаппер, – заимствовать напрямую модель интеграции у дру-

гой страны»; общество, институты, правовая система развиваются как плод всей истории народа. Кроме того, следует учитывать, продолжает исследовательница, что сама модель мультикультурализма в разных ее вариантах переживает в настоящее время глубокий кризис [Schnapper. Interview, 2007].

Д. Шнаппер приводит пример Нидерландов, которые, проводя мультикультурную политику, в последние годы переживают настоящий кризис национальной идентичности; с помощью этой политики в стране намеревались рядом с давно существующими католическим и протестантским «столпами» создать новые «столпы» – марокканский и турецкий, но пришли к тому, что разные группы людей живут рядом друг с другом и не общаются. Нет смешанных браков между голландцами, турками и марокканцами. Есть отдельно школы «черные», отведенные для детей иммигрантов, и школы «белые» – для детей голландцев. Д. Шнаппер подчеркивает, что, получив такие результаты, Нидерланды были вынуждены пойти на коренное изменение своей политики [Schnapper. Interview, 2007].

К такому же итогу пришли и в Великобритании, где еще в 2005 г., после террористических актов, исследователи констатировали, что сама по себе «мультикультурная политика не решает проблему интеграции разных групп иностранного населения» [Schnapper. Interview, 2007]. Сложно заставить жить вместе тех, кто имеет разное происхождение, традиции, культуру.

Действительно, в странах мультикультурализма ситуация с включенностью иммигрантов в национальное общество гораздо хуже, чем во Франции. В провале мультикультурной модели публично признались канцлер Германии А. Меркель и премьер-министр Великобритании Д.Кэмерон. Ангела Меркель в ноябре 2010 г. объявила, что проект мульти-культу в Германии провалился и что страна мало сделала для интеграции своих иммигрантов. Дэвид Кэмерон, заняв пост премьер-министра, в мае 2010 г. сказал: «Проводя политику государственного мультикультурализма, мы тем самым поощряли разные культуры жить отдельно друг от друга» [David Cameron dénonce...]. А на конференции по безопасности в Мюнхене в феврале 2011 г. он объявил о провале политики мультикультурализма в Великобритании и подчеркнул, что было неправильно проводить слишком толерантную политику в отноше-

нии тех, кто отвергает западные ценности. Британский премьер высказался в пользу «более активного и более наступательного либерализма», чтобы защищать равенство прав, уважение закона, свободу слова, демократию и укреплять национальную идентичность в Великобритании. Д. Кэмерон пообещал, что британская политика в отношении этнических и религиозных меньшинств будет изменена [David Cameron dénonce...].

В работах по сравнительному анализу моделей интеграции выделяется подход адвоката и общественного деятеля Кристофа Бодуэна, который классифицировал эти модели по принципу «универсализм – дифференциализм». Французская универсалистская модель фактически противопоставляется всем другим моделям, которые характеризуются как дифференциалистские, в эту категорию попадают как Великобритания, так и Германия, а также и другие страны. В статье «Надо ли импортировать мультикультурализм во Францию?» [Beaudouin, 2006] он выступает как убежденный сторонник французского универсализма и как противник насаждения во Франции мультикультуралистской модели. В этой работе К. Бодуэн опирается на антропологический подход, разработанный Эммануэлем Тоддом, он считает, что привлечение антропологических методов позволяет встать над идеологией и более объективно оценить, какова степень склонности французского общества к коммунитаризму и интеграционализму.

К. Бодуэн обращается прежде всего к примеру Нидерландов, утверждая, что эта страна переживает «мультикультурную драму». В Голландии из 16 млн. жителей 1,6 млн. составляют иммигранты незападного происхождения, из них 1 млн. – мусульмане. В Роттердаме 13% населения – мусульмане. В 1970 г. был принят закон о воссоединении семей, после чего численность иммигрантов резко возросла. С 1983 г. страна начала проводить политику мультикультурализма, нацеленную на дифференциалистскую интеграцию иностранцев. Это привело к росту влияния самого многочисленного – мусульманского – сообщества и к появлению «голландского ислама». Мусульманское сообщество получило разрешение на строительство мечетей, государство выделяло большие субсидии мусульманским ассоциациям, средствам информации, мусульманским школам, чиновники и политики, принимая решения, регу-

лярно консультировались с мусульманскими организациями и т.д. [Beaudouin, 2006].

Эта, казалось бы, столь благоприятная для иммигрантов модель не устранила таких негативных социальных явлений, как дискриминация, расизм, стихийное складывание гетто, высокий уровень преступности среди иммигрантов, большая безработица у второго поколения иммигрантов и, наконец, – рост исламского интегризма (убийство Тео Ван Гога, зарезанного исламистом в 2004 г., насильственная смерть политического лидера антиисламистов и поборника гомосексуализма Пима Фортёйна в 2006 г., запугивание неудобных кандидатов на выборах, а также депутатов). Дифференциалистская культура, по заключению К. Бодуэна, при всех благородных намерениях сохранять и поддерживать все культуры, привела к радикализации как голландцев, так и молодых мусульман [Beaudouin, 2006].

В самих Нидерландах политические и общественные деятели замечают недостатки мультикультурной модели и выступают с ее критикой. Правые либералы разоблачают исламизм и упрекают левых в том, что они «делают из иммигрантов ангелов». В 2000 г. известный журналист и сторонник социал-демократии П. Шеффер (Paul Scheffer) выступил с критикой выжидательной политики властей и привлек внимание общественности к формированию «суб-класса неинтегрированных», к неприятию со стороны многих мусульман факта отделения церкви от государства, к неуважению женщин и гомосексуалистов. П. Шеффер заключил, что нидерландская модель интеграции провалилась, поскольку она позволяет иммигрантам замыкаться в своей первоначальной культуре и не ассимилировать нидерландские ценности. Мы живем в Голландии рядом друг с другом, писал он, но мы не встречаемся: каждый имеет свое кафе, свою школу, своих идолов, музыку, веру, мясника, а вскоре у каждого будет и своя улица или свой квартал. «Мирный пейзаж Голландии..., царство терпимости и социального мира, похоже, осталось в прошлом» [цит. по: Beaudouin, 2006].

Не меньшей критике со стороны К. Бодуэна подверглась германская иммиграционная политика. По его словам, «ассимиляция иностранцев в Германии обошла стороной турок, которые стали объектом сегрегации, похожей на сегрегацию негров в США» [Beaudouin, 2006]. Турки в Германии представляют треть от всего

иностранным населением. «Турецкая культура далека от арабско-мусульманской культуры и априори не мешает полной ассимиляции в немецкое общество», – считает К. Бодуэн [Beaudouin, 2006]. Когда турки между 1960 и 1985 гг. в массовом порядке начали приезжать в Германию, они были готовы адаптироваться к новым условиям. Но у турок – эндогамная семейная традиция (обычай заключать браки исключительно внутри своей группы – семьи, рода, популяции), они привозили жен из Турции и не вступали в смешанные браки с местным населением. Но и немцы, со своей стороны, отделяли себя от турок, в результате последние оказались в стороне от принимающего общества [Beaudouin, 2006].

В дифференциалистской системе Германии, полагает К. Бодуэн, культура принимающей страны ориентирована на подчеркивание и утверждение различий, что в свою очередь побуждает турецкие семьи держаться за культуру своих предков и воспитывать в ней своих дочерей. Замыкание турецкого населения Германии в рамках своей мусульманской общины приводит к тому, что ислам становится для этой части населения особой идентичностью. Э. Тодд определил эту тенденцию как настоящую «исламизацию турок Германией» [цит. по: Beaudouin, 2006].

В отличие от Германии во французской универсалистской системе государство побуждает людей, принадлежащих к чужой культуре, постепенно, шаг за шагом переходить в западную культуру. Особенно наглядно этот курс проявился в отношении женщин мусульманской культуры, когда был принят закон (2004), запрещающий посещать государственные учреждения в хиджабах, а девочкам из мусульманских семей – носить явные религиозные знаки в школе (мусульманский платок).

Особый вариант мультикультурной модели сложился в Великобритании. Страна смогла относительно мирно провести свою деколонизацию. Англичане, по мнению К. Бодуэна, как и американцы, в отношении к иммигрантам воспринимают не столько реальные культурные различия, которые отличают их от иммигрантских сообществ, сколько цвет кожи. Так, бывшие жители Ямайки, составляющие большую часть иммигрантов-негров, говорят по-английски, исповедуют христианство, наиболее близки к англичанам по культуре, но более других удалены по внешнему облику. Напротив, сикхи и пакистанцы наиболее далеки в плане семейных

традиций (эндогамия, низкий статус женщин) и веры (мусульмане или индуисты), но ближе к англичанам по цвету кожи. Англичане, как это ни странно, судят по внешнему виду, и именно негров, близких им по культуре и вере, считают типичными иммигрантами. Но проблема Великобритании не в цвете кожи иммигрантов, а в подъеме исламского фундаментализма. Последователи этого течения поддержали фетву Хомейни против Салмана Рушди, выразив тем самым свои антизападные настроения. Среди англосаксонских стран, в которых распространен культурный дифференциализм, именно в Великобритании пустил корни исламский фундаментализм [Beaudouin, 2006].

К. Бодуэн заостряет внимание на крайностях общества Великобритании, при этом он ссылается на исследования британского социолога Патрика Веста (Patrick West). Последний проводит различие между толерантностью, необходимой в отношениях с меньшинствами, живущими в Великобритании, и «жестким мультикультурализмом» («hard multiculturalism»), сторонники которого навязывают британскому обществу политику поощрения всех культур без разбора. Некоторые интеллектуалы, так называемые прогрессисты, в своей заботе о разных культурах доходят до абсурда, защищая в том числе и культуры, далекие от толерантности, которые призывают уничтожить гомосексуалистов, держать в рабском положении женщин, отторгать западную культуру [Beaudouin, 2006].

Универсалистский принцип Франции вырастает, как подчеркивает К. Бодуэн, в том числе и из ее антропологической системы. И что очень важно, именно она в первую очередь и задает пределы французскому универсализму. Антропологическая система Франции сочетает две главные модели семьи – равноправную и коренную (*famille souche*). Равноправный тип – это универсалистский тип семьи с эгалитарными представлениями, ориентированный на ценности свободы и равенства. Такие семьи распространены в центре страны, они типичны для парижского бассейна. Коренной тип сохраняется в основном на периферии, в этих семьях признаются ценности власти и авторитета, утверждаются неравенство и национальный этноцентризм, что близко немецким представлениям о семье [Beaudouin, 2006].

Оба типа семьи, замечает К. Бодуэн, имеют две главные особенности: экзогамия (во Франции не женились внутри семейной группы) и высокий статус женщины, один из самых высоких на планете (французские семейные системы билатеральны, они стоят на принципе равнозначности отцовской и материнской линий). Экзогамия и билатеральность родственных связей есть минимальная общая основа двух типов семей, существующих во Франции, и одновременно основа французской универсалистской системы. Эти же антропологические свойства, как подчеркивает К. Бодуэн, задают пределы интеграционной способности французской модели. Следовательно, любая антропологическая система, завезенная иммигрантами, если в ней есть эндогамная составляющая, низкий статус женщины, дух «закрытости» группы, будет считаться неприемлемой для французов [Beaudouin, 2006].

Французская универсалистская психология отторгает любую расовую и коммунитаристскую организацию французского общества и допускает тысячу «мелких различий» в другом человеке (цвет кожи, вера и т.д.). Во французской ментальности есть изначальная уверенность в общей для всех сущности («все мы люди»), вследствие чего тысячи различий воспринимаются как второстепенные и приемлемые. Тип жилища, особенности кухни, цвет кожи или религиозные верования – все это мелкие отличия, которые никак не затрагивают веру в универсальность Человека. «Кем бы мы ни были – практикующими католиками, евреями, неграми, гомосексуалистами, коммунистами или любителями улиток, мы прежде всего – люди» [Beaudouin, 2006].

Но зато интеграция (или ассимиляция) во французское общество представляется невозможной для иностранцев, чья культура и/или образ жизни несовместимы с традициями французской нации (например, если практикуется эндогамия, отвергается принцип светскости, поддерживается подчиненное положение женщины). Французское общество отвергает также коммунитаризм и верховенство группы над индивидом. «Национальное сообщество – единственное легитимное сообщество, поскольку именно оно является источником совместных решений, носителем демократии, защитником прав и основных свобод, наследником долгой истории ассимиляции выходцев из разных стран», – указывает К. Бодуэн [Beaudouin, 2006].

Иначе, по мнению К. Бодуэна, воздействует на людей дифференциалистская система, в реальной жизни она генерирует у них тревогу и, возможно, даже страх быть другим, отличаться от остальных в своем сообществе или в своей категории. В мире, где каждый чувствует себя хрупким, любое культурное отличие воспринимается как угроза, тем более что на подсознательном уровне никто не уверен, что он похож на других. Это проявляется, например, у американцев в потребности разделить всех людей по категориям, они готовы принять гомосексуалистов, но только внеся их в определенную категорию. Отсюда же и склонность американцев к созданию ремейков иностранных фильмов, которые они подгоняют под свои культурные нормы, чтобы не отпугнуть зрителей, у которых малейшее объективное культурное отличие вызывает беспокойство. Универсализм же французского типа, построенный на основе эгалитаризма, более спокойно приемлет разность в нравах и другое разнообразие [Beaudouin, 2006].

К. Бодуэн отмечает, что в настоящее время французская система универсалистских ценностей подвергается двойному давлению: извне, со стороны ЕС, который насаждает дифференциалистскую (англосаксонскую и германскую) концепцию в Европе, и изнутри – со стороны иммиграции арабо-мусульманского происхождения, чья культура обладает чуждыми для культуры Франции антропологическими свойствами [Beaudouin, 2006].

Дрейф Франции в сторону мультикультурализма?

Последователи мультикультурализма во Франции, каждый по-своему, обращаются к опыту Голландии, США, Великобритании, Германии, чтобы показать, что французского «республиканского плавильного котла»¹ больше не существует и что надо импортировать и адаптировать к французским условиям то, что есть за ее пределами. Со стороны политиков эти предложения не встречают особой поддержки. Однако политика – прагматична, руково-

¹ Указание на книгу «Французский плавильный котел: История иммиграции (XIX–XX вв.)» историка Жерара Нуарьея (l'École des hautes études en sciences sociales – EHES), который одним из первых поднял тему иммиграции, ставшую вскоре «горячей» в политической жизни Франции [Noiriel].

дствуясь потребностями текущего момента, не афишируя своих действий, руководство страны проводит некоторые меры, плохо согласующиеся с принципами французского республиканства. Например, в нарушение светского характера государства власти способствуют институционализации ислама, созданию некой централизованной структуры исламских организаций, с которой государство могло бы вести переговоры. Государство оказывает исламу материальную помощь, выделяя землю под строительство мечетей, под мусульманские кладбища, создает систему высшего образования для подготовки исламского духовенства. Были приняты даже некоторые законы в духе мультикультурализма.

Франция – правовое государство, и вся жизнь в нем регламентирована законами. Тенденции, которые наблюдаются в сфере юриспруденции, являются ключевыми и определяющими для всего общества. Исследователи делают вывод, что в сфере законотворчества происходят сдвиги в сторону мультикультурализма.

Влияние мультикультурализма на французское право исследует Норбер Рулан, профессор факультета права в Экс-ан-Прованс, долгое время занимающийся правами меньшинств и автохтонных народов, а также народов, населяющих заморские территории Франции. Он считает, что в последние годы XX в. мультикультурализм начал оказывать влияние на некоторые области права, главным образом на те из них, которые определяют отношение к иммигрантскому населению и к жителям французских заморских территорий. При этом на первый план выдвигается этнический вопрос. Французское позитивное право всегда руководствовалось исторически сложившимися в стране принципами республиканской модели, которая, во-первых, отстаивает юридическое равенство всех, допуская при этом значительные социальные и экономические неравенства; во-вторых, поддерживает представление об обществе как о сумме индивидов, но не как об объединении многочисленных сообществ. Сдвиг в праве в сторону мультикультурализма разрушает, по мнению Н. Рулана, традиции французского республиканства и принцип унитаризма, заложенные еще во времена французской революции [Rouland].

Н. Рулан, ссылаясь на классификацию разных видов мультикультурализма, сделанную социологом А. Семприни (Andréa Semprini), выделяет два из них, которые позволяют сравнить фран-

цузскую модель интеграции, т.е. классическую модель политического либерализма, и британскую либеральную мультикультурную модель. Н. Рулан находит в мультикультурализме много положительного [Rouland].

Классическая либеральная политическая модель соответствует французской республиканской традиции. Модель основана на четком разделении между общественной сферой и частной. В общественную сферу включены гражданские и политические права и обязанности индивидов. В частную – все остальные проявления жизни человека, включая веру, язык, обычаи, сексуальность и т.д. Общественная сфера не допускает вторжения на свое поле того, что принадлежит частной сфере. Например, школьники должны оставлять за порогом школы знаки своей религиозной принадлежности. Но эти знаки можно проявлять дома или в молельных помещениях, т.е. в частной сфере. «Общественная сфера – нейтральна и может нормально функционировать благодаря существованию частной сферы, где и проявляются различия» [Rouland]. Однако в соответствии с законодательством о праве на ассоциации людям разрешено спланировать в ассоциации для защиты своих прав или интересов (чаще всего речь идет о целях культурного плана), при этом ассоциация в глазах законодателя представляет собой сумму индивидуальных интересов, т.е. входит в частную сферу.

«Либеральная мультикультурная модель, – по определению Н. Рулана, – соответствует обществам, которые признают себя разнородными, но чьи члены выражают желание жить вместе». В этой модели, к которой принадлежит и Великобритания, также существует различие между общественной и частной сферами, но оно значительно отличается от предыдущей модели. Так, группы признаются коллективными единицами, а не просто суммой частных интересов, как во Франции. Считается, что их наличие не препятствует сплочению всего общества, группа является посредником между частным и общественным. Идентичности могут проявляться и на общественном уровне, что недопустимо во французской модели. Иначе говоря, граница между общественной и частной сферами в либеральной мультикультурной модели более «пориста». Общественное пространство остается местом выражения общих ценностей. Сплоченность системы держится на этих ценностях, а

не на гражданских и политических правах и обязанностях, как в классической либеральной модели Франции. Это отнюдь не ведет к фрагментации общества, напротив, многие мультикультурные требования способствуют усилению интеграции общества, считает Н. Рулан. Признание за территориальными коллективами их особого характера не ведет к расколу, напротив, обеспечивает стабильность и сохранение единства и сплоченности страны [Rouland].

В настоящее время, по мнению Н. Рулана, Франция отошла от классической либеральной модели и дрейфует в сторону либеральной мультикультурной модели, иными словам, «от неделимости французского государства к демократическому плюрализму» [см.: Rouland]. Так, в ст. 1 Конституции Франции утверждается неделимость страны: «Франция – это неделимая, светская, демократическая и социальная Республика. Она обеспечивает равенство перед законом всех граждан, независимо от их происхождения, расы или религии. Она уважает все верования» [цит. по: Rouland].

Принцип единства и неделимости, считает Н. Рулан, означает, что право распространяется на все органы, которые исполняют властные функции во имя суверенного народа: парламент занимается принятием законов, исполнительная власть – разработкой регламентирующих актов. Долгое время принцип неделимости интерпретировался как радикальное препятствие к предоставлению нормативных автономных прав децентрализованным административным единицам, поскольку это может сделать их промежуточной инстанцией между гражданином и Республикой. Но единство нормативной власти не означает единообразия, замечает Н. Рулан, существуют особые режимы для заморских территорий, Эльзаса-Мозеля и Корсики. Так, в 1998 г. были заключены соглашения с Новой Каледонией, нарушившие единство нормативного права и приведшие к преобразованию французского конституционного права, подчеркивает Н. Рулан [Rouland].

Новая Каледония и Полинезия, заморские французские территории, наделены правом издавать местные законы. И та и другая имеют статус «страны», реализуют концепцию автономии, обладают правом предоставления местного гражданства. Новокаледонское гражданство было введено в 1999 г., его получают лица французского гражданства, рожденные на острове или проживающие здесь не менее десяти лет. Гражданство становится источником

привилегий для граждан: оно дает доступ к занятости, право участвовать в выборах и быть избранным в органы власти (при этом будет учитываться продолжительность проживания на острове и факт рождения здесь хотя бы одного из родителей). Новая Каледония получила свои «знаки идентичности»: название страны, имя, флаг, гимн, девиз, свои банковские банкноты [Rouland; Nouvelle-Calédonie]. В новом статусе Полинезии французский язык уже не является единственным государственным языком. Местный парламент Полинезии принял такую формулировку: «Таитянский язык – это официальный язык французской Полинезии в такой же степени, как и французский» [Rouland].

Все это далеко выходит за рамки традиционной схемы унитарного государства-нации, унаследованной от Французской революции. Эти новые статусы, подчеркивает Н. Рулан, распространяются только на жителей далекой периферии Франции, бывшей прежде частью французской колониальной империи, они не меняют конституционную природу французского государства. Эти изменения происходят на территориях с многоэтническим и многокультурным населением. Однако в случае с Новой Каледонией новый статус может в конце концов привести к полному ее суверенитету, считает Н. Рулан [Rouland].

В той же ст. 1 Конституции устанавливается также демократический характер Республики. Но очевидно, что понятие демократии сегодня изменилось, она уже существует под знаком плюрализма. Конституционный совет Франции в 1986 г. признал плюрализм «целью конституционного значения». Это решение не наносит ущерба принципу неделимости, считает Н. Рулан, который остается иерархически выше, но является значимым шагом в сторону мультикультурной либеральной модели. Действительно, оно вводит плюрализм в общественную сферу, в то время как до этого плюрализм мог существовать только в частной сфере [Rouland].

Н. Рулан делает вывод, что французское право становится мультикультурным, и эти изменения требуют новых интерпретаций классической республиканской модели. Как показывает история права, традиции сохраняются только ценой развития их интерпретаций. В этом смысле сторонники мультикультурализма могут лучше, чем универсалисты, обеспечить долговечность республиканской модели, заключает Н. Рулан.

Сдвиги в сторону мультикультурализма наблюдаются не только в правовой сфере, они просматриваются в разных областях жизни французского общества. Жан Боберо (l'École Pratique des Hautes Études en Sorbonne) считает, что во Франции реально существуют элементы мультикультурализма и что пора говорить о «мультикультурализме по-французски». Однако это положение не афишируется, в политическом дискурсе господствует противоположная точка зрения, которая и доводится до сведения общественности. Тем не менее политики с большой охотой воспринимают мультикультурализм и даже начали не так давно применять выражение «этническое разнообразие», хотя во Франции использование этого словосочетания устойчиво связано с лексикой крайне правых. Правда, его уже применяют и некоторые исследователи, и общественные активисты, далекие от крайне правых, ссылаясь на то, что без этого невозможно говорить о реальной дискриминации [Baubérot, 2006].

Зародышем мультикультурализма на французской почве Ж. Боберо считает принятый в 1981 г. закон, разрешивший иностранцам создавать свои ассоциации. Этой возможностью воспользовались многие иммигрантские сообщества. Разве это не мультикультурализм, вопрошает Ж. Боберо, когда курдские ассоциации, стремящиеся сохранить свою культуру, создают радио курдского сообщества, а учредив при этой ассоциации культурный центр, будут получать еще и государственную финансовую поддержку? Сторонники курса на мультикультурализм ссылаются на то, что речь идет о сфере частной жизни, но это, по убеждению Ж. Боберо, далеко не так, поскольку эти ассоциации субсидируются из общественных денег. Получается, что институциональная общественная сфера занимается продвижением подобного культурного разнообразия, пусть даже на уровне ассоциаций. Это вполне сравнимо с тем, что происходит в мультикультурной Канаде [Baubérot, 2006].

Итак, на уровне государственной практической политики вводятся элементы мультикультурализма, без чего оказывается невозможным управлять возросшим числом инокультурных групп населения разного происхождения.

В последние десятилетия количество культур на территории европейских стран значительно увеличилось из-за перемещения больших групп населения из других стран мира. В разных государст-

вах сложились разные способы управления этими группами. Французские исследователи внимательно изучают модель мультикультурализма, по-разному реализованную в ряде стран Европы. Проводя сравнительный анализ национальных мультикультурных моделей и французской интеграционной модели, они выявляют степень их эффективности и ищут возможности некоторых заимствований.

Во Франции среди исследователей преобладает мнение, что, несмотря на то что французская модель несовершенна, она все-таки успешнее выдержала испытание временем, чем модели других стран. Они связывают это с тем, что власти Франции на протяжении долгого времени проводили политику предотвращения коммунитаризации общества, геттоизации и сегрегации иммигрантских сообществ и делали это ради сохранения единого, унитарного, сплоченного общества (на практике не всегда удавалось достичь этих целей). В течение долгого времени Франция проводила политику ассимиляции, т.е. поглощения иных культур доминирующей французской культурой, а в последние три десятилетия – политику интеграции, цель которой – метисация культур. Безусловно, большая часть французов остается приверженной ассимиляции и рассчитывает на силу французской культуры, на ее универсалистский характер и верит, что она рано или поздно выйдет победительницей в процессе взаимовлияния культур, тем более что именно французская культура диктует основные принципы, ценности, нормы, которым должны подчиняться другие культуры, особенно если такое положение закреплено законодательно.

По мнению многих исследователей, с тех пор как все модели интеграции вступили в период кризиса, они стали в реальности менее отличаться друг от друга.

Литература

Baubérot J. Le multiculturalisme en douce. Propos recueillis par C. Lepage le 17 avr. 2006 pour L'Express du Pacifique. – Colombie-Britannique. – 2006. – Vol. 60, N 2. – Mode of access: http://journaux.apf.ca/expresspacifique/index.cfm?Id=31412&Sequence_No=31410&Repertoire_No=1101797170&Voir=journal_article&niveau=3

Beaudouin Ch. Faut-il importer le multiculturalisme en France? – Mode of access: http://www.observatoiredeleurope.com/Faut-il-importer-le-multiculturalisme-en-France_a454.html Mars 2006

Communautarisme. – Mode of access: <http://fr.wikipedia.org/wiki/Communautarisme> Culture. – Mode of access: <http://fr.wikipedia.org/wiki/Culture>

David Cameron dénonce l'échec du multiculturalisme en Grande-Bretagne. MUNICH (Allemagne) (AFP) Samedi 05 Fé. – Mode of access: <http://www.courrier-picard.fr/courrier/Actualites/Monde/David-Cameron-denonce-l-echec-du-multiculturalisme-en-Grande-Bretagne>

Déclaration de Mexico sur les politiques culturelles. Conférence mondiale sur les politiques culturelles, Mexico City, 26 juillet – 6 août 1982. – Mode of access: <http://www.bak.admin.ch/themen/kulturpolitik/00449/index.html?lang=fr>

Mots de l'immigration, de l'intégration – Mode of access: <http://www.vie-publique.fr/politiques-publiques/politique-immigration/glossaire-de-finitions/#m>

Multiculturalisme. – Mode of access: <http://fr.wikipedia.org/wiki/Multiculturalisme>

Noiriel G. Le Creuset français. Histoire de l'immigration (XIXe-XXe siècle). – P., 1988. – 404 p.

Nouvelle-Calédonie. – Mode of access: <http://fr.wikipedia.org/wiki/Nouvelle-Cal%C3%A9donie>

Pecqueux L.-A. Multiculturalisme et interculturalisme. – Mode of access: http://mafrancophonie.free.fr/Multiculturalisme_et_interculturalisme.pdf

Rouland N. Le droit français devient-il multiculturel ? – Mode of access: <http://www.reds.msh-paris.fr/publications/revue/pdf/ds46/ds046-08.pdf>

Schnapper D. Intégration nationale et integration des migrants : un enjeu européen. – Mode of access: http://www.robert-schuman.eu/doc/questions_europe/qe-90-fr.pdf

Schnapper D. Interview. 2007. Propos recueillis par Marie Raynal. – Mode of access: <http://www2.cndp.fr/archivage/valid/92206/92206-15037-18933.pdf>

Schnapper D. L'échec du «modèle républicain»? Réflexion d'une sociologue // Annales: histoire, sciences sociales. – P., 2006, A. 61. – N 4. – P. 759-776.

Schnapper D. Panorama // Fondation international Prix Balzan. Prix Balzan 2002 pour la sociologie. – Mode of access: http://www.balzan.org/fr/laureats/dominique-schnapper/bio-bibliographie_114_116.html Dominique Schnapper (France)

Shirali M. Construction de la citoyenneté et communautarisme en France et en Grande-Bretagne. – Mode of access: <http://eduscol.education.fr/cid45801/-construction-de-la-citoyennete-et-communautarisme-en-france-et-en-grande-bretagne.html>